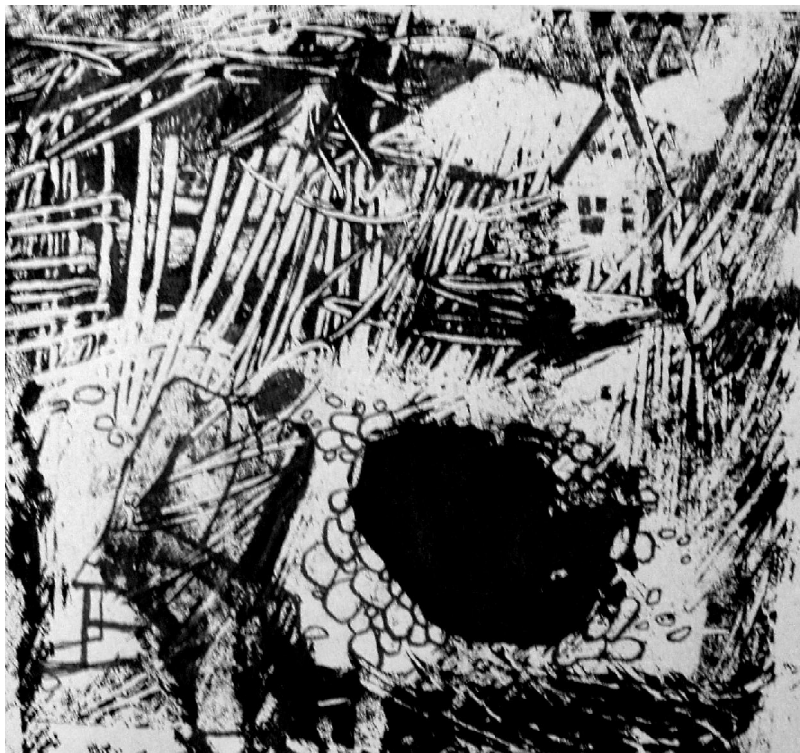

МИКРОЛПЪ 11

ДОСТАСЛОВ

ГУЛЪКЕВИЧИ 2016

МИКРОЛІТЪ 11

ДОСТАСЛОВ

Литературный журнал «Микроліт». №11. 2016

Главный редактор	Иван Кротов
Заместитель редактора	Александр Мартусенко
Художественный редактор	Ирина Гаркуша
Заместитель редактора по связям с общественностью	Павел Уваров

тел. в СПб: 8-965-761-73-44

Редколлегия:	Анна Мамаенко Андрей Насонов
--------------	---------------------------------

Работа с интернет-ресурсами:	Павел Уваров, Александр Гусев
------------------------------	-------------------------------

Творческий совет:	Игорь Васильев Иван Карасев Нина Хрущ
-------------------	---

Верстка:	Иван Кротов
----------	-------------

На первой странице работа И. Карасева “Искажение паруса”.
Обложка – Ирина Гаркуша.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Наш сайт: <http://microlit.intentia.su/index.html>

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96, ТО «Ладомир». e-mail: wall55@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

КРУГЫ ПО ВОДЕ

МАРИЯ ЛЕБЕДЕВА

Мал мала меньше: о жанровых различиях short-short story и drabble

Появление такого феномена как «микролитература» связано, конечно же, с глобальными изменениями в современной культуре: сообщения сменяют письма, записи в Twitter – дневники, гаджеты становятся всё более тонкими и лёгкими, выпускаются книги карманного формата «флипбук».

Одна из основных причин – ускорение темпа современной жизни в наступивший «век информации».

Новый темп диктует свои условия, и это не может не отразиться на современной литературе. Как предрекал Рэй Бредбери: «Темп ускоряется. Книги уменьшаются в объёме. Сокращённое издание. Пересказ. Экстракт. Не размазывать! Скорее к развязке!»¹.

Однако, при этом литература «вовсе не деградирует, просто её язык, основной код её самоописания, меняется за предельно короткое время»².

Малые жанры уступают место сверхмалым, и даже short story – чьё название и без того свидетельствует о краткости – сменяет «уменьшенный вариант». Жанры эти стали особенно популярны в Сети не только благодаря лаконичности изложения (отчасти популярность в интернете малых форм обусловлена самой спецификой «чтения с экрана»³), но и, по мнению некоторых зарубежных исследователей, вследствие возросшей роли интерпретатора. «Микроновелла обращается к общей культуре читателя и его способности к интерпретации. Она направляет его (читателя – М. Л.) воображение так, что он может сам, в конечном счете, домыслить то, что не было сказано»⁴.

Если «short story» – это сюжетная новелла, то «short-short story» – построенная по тем же принципам сверхкраткая новелла. Основные признаки новеллистического жанра при этом также сохраняются. Сюжет сконцентрирован вокруг *pointe*, однособытийен, построен на основе какого-либо «противоречия, несовпадения, ошибки, контраста»⁵, а в конце наступает неожиданная развязка.

В работе Б. Эйхенбаума «О. Генри и теория новеллы» подчёркиваются различия в развитии жанра short story в отечественной и американской культуре. Так, в русской литературе, по мнению учёного, короткая новелла

появляется «как бы случайно и как бы только для того, чтобы создать переход к роману, который принято у нас считать более высоким или более достойным видом»⁶. Напротив, «в американской беллетристике культура сюжетной новеллы (short story) идёт через весь XIX век, – конечно, не в виде мирной, последовательной эволюции, но с непрерывной разработкой разных возможностей этого жанра»⁷.

В short-short story, в отличие от жанра-прародителя, национальные различия стираются. Причина этого кроется, по большей части, в основном локусе бытования жанра – сети Интернет. И созданные на русском языке, и переводные тексты зачастую цитируются без ссылки на первоисточник, вследствие многочисленных «перепостов» становясь интернациональным достоянием. Так, истории из сборника «Самые короткие в мире рассказы» по редакцией Стива Мосса и Джона М. Дэниела получили широкое распространение в Рунете, появляясь то в подборках, то по отдельности в различных сайтах и в социальных сетях.

Объём «канонической» сюжетной микроновеллы варьируется, но никогда не бывает более 2500 знаков. В отличие от неё, жанр drabble имеет чётко обозначенное количество слов не более ста. И здесь мы сталкиваемся с проблемой: перед нами текст из ста слов. Как понять: drabble это или short-short story?

Путаница возникает в связи с терминологической избыточностью. Проблема эта существует как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. Большинство сетевых сверхмалых жанров различаются лишь по объёму. Понятно, что критерий этот спорный, да и количество знаков для разных жанров варьируется в зависимости от источника (есть, правда, и такие жанры, где правду о количестве знаков исказить не удастся, ведь они уже обозначены в названии – 55story/55fiction, 69er).

Итак, drabble – термин для обозначения миниатюры длиной в сто слов. В Рунете термин активно используется среди фикрайтеров. На соответствующих ресурсах можно найти такое описание (что немаловажно – без указания объёма в сто слов): «Драббл (drabble) – сцена, зарисовка, которая чаще всего не претендует даже на минифик. Иногда сами авторы называют такие сцены «пачкотнёй пера»⁸. Жанр этот используется авторами фанфиков для того, чтобы сделать замечание по поводу персонажей или событий. В то время как за рубежом drabble не обязательно относится к фанфикшну, и существует множество ресурсов со свободной публикацией именно для этого сверхмалого жанра. Например, французский ресурс «En 100 mots» или англоязычный Drablr.

Понятие пришло из «Большой красной книги Монти Пайтона» – юмористической книги, состоящей, в основном, из переработанного материала первых двух серий комедийного шоу «Летающий цирк Монти Пайтона»⁹. Там Drabble обозначает игру в слова. Победителем в ней становится участник, который – ни много, ни мало – напишет целый роман. Конечно, в реальном мире при таких условиях пришлось бы играть очень долго. Поэтому игру упростили, обозначив точное количество слов – не более ста.

Таким образом, drabble не имеет чёткой сюжетной схемы, как short-short story, и может быть стихотворением в прозе, лирической новеллой, отрывком – словом, здесь простор фантазии автора ограничивает только объём. Наиболее близким термином в отечественном литературоведении для drabble будет являться «лирическая интернет-миниатюра».

¹ *Брэдбери Р.* 451° по Фаренгейту. М.: Эксмо 2013. – с. 82.

² *Лазутин В.* Литературный быт начала XIX века. // Октябрь. № 5. 2006 г.

³ О длине как отличительной черте жанров писал ещё Ю. Н. Тынянов (см. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Ю. Н. Тынянов, Литературная эволюция: избранные труды. – Москва: Аграф, 2002). Попытки возвести «одноэкранность» (объём текста, при котором чтение с монитора не требует вертикального скроллинга, т. е. прокрутки) в качестве формального признака интернет-поэзии были отвергнуты как неубедительные (см. Арутюнов С. Сетевая поэзия. // Знамя, №5, 2004). Однако, к примеру, в жанре «мобильного романа» («cell phone novel») именно «одноэкранность» становилась обязательной – вследствие обусловленности техническими характеристиками мобильных телефонов. Ведь эти романы изначально создавались через сервисы текстовых сообщений, возможности которых и диктовали длину глав.

⁴ *Bastin Vincent.* Pour une definition et une premiere defense de la micronouvelle francaise.

⁵ Эйхенбаум Б. М. О. Генри и теория новеллы.

⁶ Там же

⁷ Там же

⁸ Словарь фикрайтера.

⁹ Кстати, этим британским комикам обязан своим появлением не только жанр Drabble. Шутки из скетчей Монти Пайтона оказали огромное влияние на интернет-культуру. Достаточно упомянуть, что слово «спам» в значении «нечто навязчивое» пришло именно оттуда.

ДРАББЛ

КОТ БАСЁ

У него были сеть и лодка. Ни сеть, ни лодка не могли рассказать о нём, оставаясь вечно бессловесными сетью и лодкой... Его улова не хватало на то, чтоб просто наполнить вечер. Он сидел на хребте у лодки, смотрел, не видя; плавники старых вёсел в песок упирались костью. Сеть всегда задевала ветку, с которой листья облетают ещё до того, как наступит осень. Он сидел на хребте у лодки, курил, и локоть прижимался к крылу... От крыльев ломило спину. У него были сеть и лодка. Ни сеть, ни лодка не могли рассказать о том, что необъяснимо.

Переломы зимы заживут к весне, перестанут болеть на дожди и ветер. Я люблю тебя там, где растаял снег, за который мы оба с тобой в ответе. Я люблю тебя там, за порогом всех городов, проспектов, безликих зданий, я люблю тебя там, где ложится степь под шаги идущего... Мы устали от холодных улиц, застывших лиц, неслучайных встреч по случайным датам, эмигранты, живущие без земли, на которой создали их когда-то. нас сломали. Становится всё ясней, предрассветный воздух, светлея, стынет.

Переломы зимы заживут к весне. Мы проснёмся свободными и святыми.

ИВАН КАРАСЁВ

Журналист тайно договорился с начальником колонии провести Новый год в камере смертников. Через два часа, как тяжелые двери камеры за ним захлопнулись, начальник колонии скончался от инфаркта в своем кабинете.

ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВ

Зарисовки от Виталика

...где то в саванне лежал на траве мёртвый лев, а недалеко плясали и радовались этому собаки, но веселились они неуверенно, слегка настороженно, и близко ко льву не подходили, потому что живые они оставались собаками, а он даже мертвый был львом...

...на уступе мрачной серо-черной скалы устроился жуткий зверь. Он был огромен. У него была коричневая жесткая шкура, литые мускулы и белые клыки. Его боялись все, а он лежал, улыбался и любовался маленькой бабочкой, которая села ему на нос и игралась пойманным солнечным лучиком...

... они гнали его. В раже и азарте. Сопя, перезаряжая на ходу, и предвкушая. А он уходил. Спокойно, уверенно, презрительно поводя носом и втягивая воздух через плечо. Он знал, где они. Он мог бы загрызть их всех. Но чужая жизнь никогда не была для него развлечением. И он уходил...

... осень. Ночь. Холодная земля, холодная трава, холодный прозрачный воздух. Она набросила накидку и ушла. Не торопясь ушла к далеким огонькам, а он остался. Совершенно обнаженный, он лежал на охапке травы, улыбался счастливо звездам, – и ему было жарко...

ДЕНИС ШУЛЬГАТЫЙ

Во время дождя мой потолок часто протекает, и капли падают на пол. Вот только почему сегодня эти капли были сплошь красного цвета?

Моя беременная жена часто жаловалась мне на сон, в котором на ее кровать запрыгивает огромная черная жаба и сосет молоко из ее груди. Я высмеивал эти страхи, пока не увидел, ЧТО она принесла из роддома.

Прежние хозяева честно предупредили, что в доме, в который я вселяюсь, водятся мыши и тараканы. Я понял, что они что-то недоговаривали, когда ночью включил свет в уборной и увидел на сливном бачке таракана разгрызающего череп мыши.

Мне приснилось, что мне в ухо заполз паук. Я понимаю, что это всего лишь сон, но чьи тогда лапки касаются моего черепа с внутренней стороны?

Студент из Африки, с которым она встречалась, однажды пообещал приготовить блюдо своей родины. Было очень вкусно, но куда же задевался ее несносный младший братишка?

Третью ночь я просыпаюсь от громкого стука снизу. Я живу один и подо мной сплошной бетонный фундамент.

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

Снег, смех и смерть

Сознание серийное как убийца. В кабинете врача... осенние листья.

Дом у разрушенной дороги, старик переходит поле. Он обиделся на жену за то, что умерла, не дождавшись его из больницы. Она скормила себя львам с улыбкой на лице.

Ветер обрывает последние листья, палой бабочкой кружат они. Немая фраза.

Скоро снег, скоро будет смех. Души пьяниц воплотятся в горлиц.

АНТОН ПОГРЕБНЯК

Борхесу

Герой отправляется в Лабиринт, чтобы сразиться с Минотавром. Безрезультатно ищет чудовище в длинных тёмных коридорах, повторяющихся комнатах. Минотавра не существует. Вернее, Лабиринт – это и есть Минотавр. Потому что из него не выбраться. И остаётся только ждать следующего героя, постепенно теряя человеческий облик.

ЕЛИЗАВЕТА ШКУТЫРЬ

Сегодня выхожу замуж. Буду вся в белом... а он... он такой серьезный, почти никогда не улыбается. Жаль, что уже не разговаривает, но ведь мертвецу и не положено. Ха... но, знаешь, теперь я по настоящему счастлива, ведь он никогда меня не оставит.

Ночь. В доме пожар. Душераздирающие крики. Из окна первого этажа вываливается обгоревшая рука. Проходящая мимо пара жадно вдыхает аромат подрумяненной плоти, и в их глазах мелькают похотливые огоньки.

Помню жаркий вечер со своей соседкой – такой страстной, роковой – она вся в коже. Помню пил игристое вино... потом провал, ну, видимо устал. Проснулся. Кругом туман, стою посредине реки, странно, не тону. Гм... А это что внизу... моё тело?!

ВОЗДУХЪ

ПЁТР САВЧЕНКО

Пути-дороги

въезжаем без карты
на гербе города
два зайца и мышь

родина Шукшина
кафе у дороги
скульптура Шрека

гора Чечери*
запутался в проводах
детский змей

мемориал близ Вероны
рядом с фамилиями воинов
карта юга России

середина отпуска
поровну
матрёшек и донкихотов

корчма на Гиндзе
заказываю сало
приносят словарь

*место близ Флоренции, где Леонардо испытывал (неудачно) летательный аппарат

тихий монастырь
здание туалета
утопает в цветах

Стена Плача
нет места
для новых сообщений

светясь
возвращается домой
офисный планктон

в самом низу
огромного холодильника –
магнетик “Антарктика”

граница областей
дерутся за эфир
двое дикторов

в углу гаража
биография Нансена
и старые лыжи

камешек с моря
внезапно накроет
тёплая волна

ПОЛЁТ ЖУКА

АЛЕКСАНДР ОЧЕРЕТЯНСКИЙ

мне страшно. страшно мне. я пуст
как зимний день без снега

трава вплотную к рельсам подступает
уже пасуют шпалы перед ней

как слепого котенка я глажу цветок
и не жил а уже умирает

на слегка припорошенной снегом траве
желтый лист как оазис печали

меленькое миленькое маленькое
старенькое личико

душегубы душелюбы душки душечки душёнки
повторяют без конца о душа душе души

сплошь лица корявые рябые вые
вымерли нет и в помине вас лица другие ругие гие

не хватает терпения времени знаний терпимости сил
моей жизни на жизнь не хватает

одинокая ромашка на подстриженном газоне
не скучает

сразу видно: розы появились
целый день сегодня подметаю лепестки

очнувшаяся ото сна Россия
нырнула с головою в интернет

мне на плечо присела стрекоза
вы спрашивали что такое счастье

я пиршество червей прервал не извинившись
люблю лисички я не меньше чем они

опят червивых куст роскошный
грибник оставил умирать

на грани бритвы
понимать подтекст

(тоже трагедия)

там, где я нахожу поэзию
другие – много их – увидят пустоту

ДРАББЛ

СЕРГЕЙ АБОЛМАЗОВ

Сказка для принцессы

Подумала как-то принцесса: до чего же мне надоела эта принцесская жизнь! Туда не глянь, сюда не ступи, ходи по дворцу, да озирайся! А что озираться- то? Кругом зеркала! И сбежала принцесса, переодевшись дочерью садовника, в заливные луга, да в рощи приветливые, белоствольные. И ничего, кроме хорошего, с той принцессой не приключилось. Станет королевой, будет, что вспомнить! Ну, а что приключилось - так никому и не расскажет!

Колыбельная

Каждый вечер, когда сиреневые сумерки достигали плотности шифона, старательные портняжки из особо одаренных стрекоз начинали кроить великолепный пеньюар для прекрасной феи, которая тихонько пролетая над кроваткой одной очень красивой девочки, укутывала ее очаровательный носик кружевным покрывалом и посылала ей удивительно красивые сны. И тогда девочке снились сиреневые города, голубые деревья и розовые фламинго и она радостно улыбалась во сне.

ФЁДОР ОШЕВНЕВ

Записки натуралиста

(рассказ в междометиях)

- Чирик-чирик-чирик...
- Мяу-мяу-мяу...
- Чирик-чирик-чирик...
- Мяу-мяу-мяу... Мяффф!!!
- Чи-ир...
- Хрусть-хрусть-хрусть-хрусть... Мурррр...

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

Притча

Жил на свете праведный старец. Он очень любил свою жену. Когда он стал совсем стар, люди, которым он сделал добро, решили присматривать за ним. Однажды, когда они помогали по хозяйству его жене, старец вышел из дома и направился к реке. Люди заволновались, что с ним что-нибудь случится.

– Не ходи туда, – закричали одни.

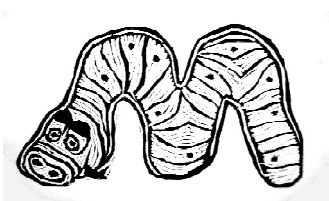
– Подожди, мы оденемся и проводим тебя, – закричали другие.

Но глухой старик не слышал и продолжал путь.

Тогда один мальчишка крикнул из озорства:

– Старик, умерла твоя старуха!

Старец вздрогнул, и помахав людям рукой, вознёсся на небо.

АЛИСА ЕСИКОВА

Про стихи...

Маленькая Девочка стояла на краю Мира и пускала в никуда цветные рифмы. Порой Она сжимала их слишком крепко, почти душила, малыши ведь всегда душат самых любимых. Рифмы трескались, ломали слоги, чуть тускнели, но продолжали полет. Малышка доставала из центра груди еще и еще, мяла в руках, раскрашивала взглядом, сдувала песчинки повседневности и отпускала в полет. Рифмы переливались всеми чувствами, сверкали юмором в свете глаз, цеплялись одна за другую, создавая цепочки иллюзорных подмирьево. И улетали все дальше и дальше в вечное везденигде и молниеносное никогда-всегда.

Маленькая Девочка улыбалась им всей Радостью, а Мир продолжал дарить ей Любовь.

СВОБОДНЫЙ СТИХ

АНТОН ПОТРЕБНЯК

Когда-то здесь жили индейцы
Остались перья
И памятники
Великим вождям.

Под дверью
Открытки открытки открытки
Никого нет дома
О заброшенные страницы
Социальных сетей.

От твоего гуманизма
Вся жизнь в радиусе километра
Прекращается.

Услуга за услугу
Ты мне медвежью
Я тебе
Ритуальную.

Цени то,
Что у тебя есть
Цени то,
Что у тебя
Ничего нет.

О, звёзды
Дорожного радио
В стране
Проклятой
Бездорожьем.

КАТЯ ЧЕ

не в силах терпеть неравенство
и мировую боль
поделил апельсин
на ноль

один человек
не считал себя
тем или иным
справедливо полагая
что просчитается
в любом случае

вечернее небо
дозревает сливой
ночью попробую

сумма ужина на
квадрате стола
меж двумя
сторонами
питающимися
не всегда равна
сумме квадратов
их душ
параллельных
непересекающихся

один человек
гладил кога
кот терпеливо мурлыкал
справедливо полагая
что он и правда
какой-то помятый
с утра

один человек
пошёл по наклонной
справедливо полагая
что иначе
в метро не попасть

ТАНЦУЮЩАЯ ГОЛУБКА

Символ

Король в нетерпении мерил шагами супружеские покои. «Супружеские» – брр – от одного слова по коже пробежали мурашки.

К северному соседу он приехал обсудить сделку: перец в обмен на драгоценные камни. Но познакомившись с юной принцессой, забыл о прочих сокровищах. Была она прекрасна, как белокурый ангел с огромными голубыми глазами и необыкновенно светлой кожей, такой нежной, что коснувшись губами её руки, он ощутил биение крови в жилах. И сердце короля бешено заколотилось в ответ.

Во время первого танца новобрачная шепнула: «ночью тебя ждёт подарок», и весь пир король просидел как на иголках. Воображение подбрасывало один вариант пикантнее другого. Когда же королева со свитой вышла, чтобы освободиться из оков роскошного свадебного платья, он и вовсе извёлся.

Наконец, она появилась на пороге в лёгком белом пеньюаре:

– Смотри!

Отвернулась и, секунду помедлив, сбросила одежду.

На спине королевы извивался синий дракон, пасть его была хищно распахнута, крылья вскинуты к лопаткам, а хвост обнимал за талию.

– Это... это... – король не находил слов, – настоящая татуировка?

– Да. Символ единения добра и зла, четырёх стихий и... верности. Я сделала её для тебя у знаменитого мастера Труэна.

Растроганный король заключил жену в объятия – сколько мужества ей потребовалось для такого подарка! А татуировщик и впрямь мастер, что же с ним делать: убить или пускай мне такой же символ набьёт?

Мастер Труэн тем временем объяснялся с крайне вспыльчивым клиентом:

– Я ж тебя предупреждал: это на всю жизнь!

– Она тоже! – чуть не плакал клиент, – сама предложила, обещала вместе навсегда и... и... променяла нашу любовь на южный перец! Выводи к чертям собачьим!

– Да пойми ты, краска яркая и глубоко вошла, шрамы останутся.

– Ну и пусть! – рычал клиент, – за крыльями всё равно не заметно будет.

Мастер критически оглядел одну из лучших своих работ – изображение белокурой королевы в натуральную величину на спине дракона и предложил:
– Может в крестьянку перебьём?

МАРИТА ЗОТОВА

Я не знаю его

Не знаю, кто он и как его зовут.

Он не отражается в зеркалах, но в маленьком, карманном, когда подношу его к лицу, чтобы припудрить нос, я вижу тень его зеленого камзола. Он вечно ходит в зеленом – это все, что я о нем знаю.

У него странная привычка будить всю семью по утрам. Он хлопает дверями, точно загулявший сквозняк, шаркает тапочками, как немощный старик, едва передвигающий ноги, бурлит свежезакипающим чайником, скрипит половицами, камушками колотит в окно – значит, пора вставать. Отец пытался как-то вразумить его – закрылся с ним в большой комнате, и они о чем-то долго говорили на два голоса, точнее, говорил отец, и это было так странно – слышать, как громкий, уверенный баритон его нисходит до писклявого дисканта, как будто он изображает клоуна в передвижном балагане... Потом отец вышел из комнаты, с бледным, точно мукою припудренным лицом, сказал, что у него болит голова и строго-настрого запретил нам с сестрою... как это он сказал?... думать? фантазировать? пытаться понять?... в общем, как-то общаться с тем-кого-я-не-знаю. Все равно мы скоро переедем – дом готовят к расселению – и мы здесь ненадолго...

А жаль – он такой забавный. Тот-чьего-имени-я-не-знаю. Тот-у кого-вечно-бьются-чашки-в-серванте. Тот-кто-больно-щиплет-ся-когда-усну-за-уроками. Тот-кто-подбрасывает-мне-в-комнату-парашютики из старинной бумаги, дохлых летучих мышей и прочие интересные вещи. Тот-кто-съел-все-конфеты-из-вазочки. Тот-кто-ходит-в-зеленом-камзоле-и-пахнет-озерной-водой.

Скажу по секрету, я уже почти влюбилась в него... Может, когда-нибудь он покажется мне?

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

Мой под

Недавно посетила меня морская пани Мыслина: мысли не давали уснуть, выпора писать. Желание слов, оживающих в моих сновидениях. Писать? Что-то по

Умение высекать из слов поэзию – Великий Мастер словесных пузырей. Эх, в мусорной корзине, можно найти много чего интересного: строка – вот тебе и слово подобно незастёгнутой ширинке.

Все мои словечки нужно брать в кавычки, и не потому, что цитаты. «Больше убеждаю себя. Девиз (первое правило) минимализма: «Не приумножайте слова с

*абрикос цв
ранняя пт*

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

Мой подмалёвок

Недавно посетила меня морская пани Мыслина: мысли не давали уснуть, выпрыгивали как рыбы из садка. Да, моя муза любит покой, но кровит язык, значит пора писать. Желание слов, оживающих в моих сновидениях. Писать? Что-то поэтическое, про силос...

Умение высекать из слов поэзию – Великий Мастер словесных пузырей. Эх, всюду виден язык автора, вон, выглядывает из-под каждой строки. Порывшись в мусорной корзине, можно найти много чего интересного: строка – вот тебе и сюжет. А вот фразочка вместо розочки с запахом кармана писателя. Неуместное слово подобно незастёгнутой ширинке.

Все мои словечки нужно брать в кавычки, и не потому, что цитаты. «Больше, чем слова, меньше чем слова. Это всего лишь слова, всего лишь слова», - убеждаю себя. Девиз (первое правило) минимализма: «Не приумножайте слова сверх необходимости». Помыслил хорошо, а написал плохо...

*абрикос цветёт
ранняя пташка*

Малёвок

прыгивали как рыбы из садка. Да, моя муза любит покой, но кровит язык, значит этичное, про силос...

всюду виден язык автора, вон, выглядывает из-под каждой строки. Порывшись в уют. А вот фразочка вместо розочки с запахом кармана писателя. Неуместное

ше, чем слова, меньше чем слова. Это всего лишь слова, всего лишь слова», - «сверх необходимости». Помыслил хорошо, а написал плохо...

етёт

ашка

Дух соперничества

Битва закончилась. Повсюду на поле брани валялись окровавленные трупы людей и лошадей. Не выжил никто, и вороны, парившие в небе, уже предвкушали, как сегодня закатят пир горой.

Два противоборствующих короля, до этого с азартом наблюдавшие за ходом сражения, подъехали друг к другу и спешились.

– Опять ничья? – спросил один, седой толстячок с красным носом.

Другой король был высокий щеголь с аккуратно постриженными усами. Правда, годы не пощадили и его: некогда черные волосы на голове сильно поседели.

– Снова! – ответил он. – Ну, вот хоть бы один латник в живых остался – была бы победа!

– Один не считается! – возразил ему толстячок, тревожно окидывая взглядом поле боя. – Тем более – израненный.

– А лошадь? – задал вопрос усатый, заметив гнедую кобылу, которая стояла недалеко от побоища, щипая траву.

– А докажи, что это – твоя! Быть может, она находилась под кем-то из моих воинов.

Усатый пожал плечами.

– Ну, тогда ничья однозначно, Ваше Величество. Желаете отпраздновать?

– Было бы что праздновать! – сморщился толстяк. – В солдатики в детстве играли – ничья. В шахматы играли – ничья. Из луков на спор стреляли – ничья. Оба стали королями – ничья. В который раз уже соревнуемся, чье королевство сильнее – и опять ничья. Сколько можно-то?

– Самому надоело, – мрачно ответил усач, – но должен же быть среди нас победитель хоть в чем-то. Ну, что, лет через пять встречаемся здесь же, с войсками?

– С ума сошел! – раскипятился толстяк. – Какие пять? Нам уже обоим по семьдесят лет. Думаешь, мы доживем до семидесяти пяти? Давай ориентировочно через три года.

– Договорились! – ответил усатый. – Через три, так через три. Смотри не жульничай, а то знаю я тебя, толстую рожу! Опять к соседям за подмогой помчишься.

– Я? – переспросил толстый. – Ни в жизнь! В тот раз они сами на помощь пришли, я никого не звал.

– Конечно сами! – усмехнулся усатый. – Кто бы сомневался. Удачи, Ваше Величество.

«Ох и затратно же: доказывать, что твое королевство сильнее», – думал он, пока ехал обратно к своему замку.

Прошло три года, но приятели так и не встретились, поскольку оба заболели и умерли в один и тот же день. Народы обоих королевств сразу же заключили перемирие и вздохнули с облегчением: наконец-то закончились войны. И вопрос, кто же всё-таки сильнее, остался навсегда нерешенным...

МАРИТА ЗОТОВА

Совиные перья

...А каждую ночь она становится совой. Открывает окно – благо, последний этаж, и тяжёлым, по-человечьи неповоротливым телом переваливает через подоконник и превращается на лету, уколота луной, ныряя в волнами накатывающую тьму – обрастает когтями и перьями, памятью о мокрой траве и вкусе древесной коры, слышит писк убегающего зайчонка и тонкое тьяканье лисы... Меняется. Ловит крыльями струны электропроводов, путает нити и звуки, паутина мелко дрожит на холодном ветру.

Прячется. Пробует ночь на коготь и вкус. Ночь обволакивает черно-соленой волной, кристаллами звезд растворяется в небе. Скоро рассвет – раскалённо-алый, распахнутыми крыльями бабочки трепещет над крышами, и надо успеть, надо много успеть до того, как черное станет белым и ночь будет выжжена до уголька. Успеть. Превратиться. Летать.

...А утром мать вновь видит на подушке совиные перья.

ВОЗДУХЪ

ЛЕОНИД БОРОЗЕНЦЕВ

Жрица бессонной ночи
подошла
и тихонько села на колени.
Не пытайся, цепляясь за липкую скуку,
отрицать:
сегодня Ты – её признанный гений
на скрипучих ступенях,
ведущих вниз.

Одуванчик октябрьского солнца
Рассыпался на паутинки.
Как шаловливый мальчик,
Поднявшись на цыпочки,
Заглянул в тайны колодца,
С тучей прошёлся по воздуху,
И, собирая росинки,
В скошенных травах уснул.

Такою нынче выдалась зима:
прозрачно-белой лёгкой, тонкоснежной,
как будто, так и нужно – напоказ,

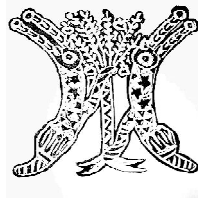
...как будто первый раз,
Как будто замуж.

Молочный рассвет и пушистая даль.
И пение птиц где-то рядом,
Встревоженный слух тишины,
Безжизненность голого сада –

И...
Белая шаль
На коленях
У сонной Весны.

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

Гаснешь высоким ре
В воздухе безымянном,
В городе окаянном,
В трещинах на коре.

В кедах на босый лед,
В теле на двадцать с лишним
Гаснет в тебе Всевышний –
Липнет к тебе белье.

Спрятались в землю грибы,
Грустной коряге не спится.
Думает: здорово бы
Стать улетающей птицей.

Взрывши колючий ковер –
Вот удивится валежник!
...Ночью пугливый костер
К югу унес ее скрежет.

В машине, пустой и холодной,
Всю ночь домовенок зяб.
В машине, злой и холодной –
И вышел бы, да нельзя
Оставить железный домик
Семи продувным ветрам.

К стеклу пристывает дворник.
Заморозки с утра.

Ветры дуют невыносимо.
Верим свято: придет весна.
В глину, паханную под зиму,
Навзничь брошены семена.

ЕКАТЕРИНА КАРГОПОЛЬЦЕВА

Дойдя в молчании
до края,
до предела!
Сорваться в крик
безудержный готово
Во всеуслышанье –
чернилами на белом –
Моё, ещё
несказанное, слово.

Гнев

Горит
под кожей смуглой
в груди,
как сто костров,
комок
квадратно-круглый
завязанных узлов.
Коверкая посменно
движенья
рук и ног,
течёт,
бурлит
по венам
не кровь, а кипяток!

А время шло, меняя нравы...
И как случилось, Боже мой,
Что тот, кто был когда-то справа,
Вдруг оказался за спиной?

Тебе

Средь амазонок и афин –
В многообразии обличий
Ты угадал во мне

один

Земную нежность Беатриче...

ДАРЬЯ ЦАПЛИНА

Я тебя отмолила-вымолила
Отпоила слезами, вымыла
Я тебя отстонала-выстонала,
Путь неблизкий печалью выстлала.
Я тебя относила-выносила
И над скорбью мирской возвысила
Я тебя отлюбила-вылюбила
И у смерти поганой выбила.

По изнанке век пронёсся
Стук колёс
Соком грушевым заплёлся
Паровоз
В кратерах твоих ладоней
Нежный свет
И меня на южном склоне
Словно нет.

Конница-огница разгорелась –
Не подковать молодого гнедого.
Светлая песня лилась и рделась
По закулисью сердец и снова
Вышли на сцену забытые вздохи,
Взгляды – на первого и к окну.
В ярую пропись сложились крохи –
Эй, господин, подавай весну!

Мы пели и пили,
Пой мне!
Мы поле и пали –
Пей.
Ты – ныли иплыли,
Я – не.
Я – мнили и в пыли,
Хей!

ЗЕМЛЯ

ВАЛЕРИЙ БОХОВ

Кукла

Они сидели друг против друга. Она уселась бесцеремонно прямо на стол, он сидел на стуле.

– Ты вдохнул в меня жизнь. Ты дал мне жизнь, настоящую жизнь. Ты научил меня всему – вести себя, говорить, одеваться... Ты ввел меня в мир богемы... Но мне многого не хватает. И у меня к тебе много претензий.

– Она выдохнула это всё на одном дыхании.

– Что же именно тебе не хватает? По-моему, ты обеспечена всем, он взвешивал свои слова.

– Я хочу, например, иметь платья каждый день. Я ведь не многого прошу?

– Хорошо. Я подумаю.

– Мне обязательно нужен модный клатч. Вот «Лондон» – известный мировой бренд. Ты ведь любишь меня?

– Клатчи нужны клячам! Их носят только старые девы. Ты же не такая? – он явно подыскивал отговорки.

– Фи! Как ты неправ. Без клатча сейчас никто не показывается на людях!

– Ну, а мы давай рискнём – покажемся! – Он явно был растерян.

– Ты взгляни на меня. На мне же ничего нет. Я голая. На мне ни одного украшения – ни ожерелья, ни бус...

– А зачем тебе эта сбруя? Ты же не лошадь!

– А модный парфюм? Он мне просто необходим. «Рив Гош» или «Шанель»... Это дивные ароматы. Ты согласен? – Она упорно продолжала перечислять свои претензии, не обращая внимания на его редкие и не всегда удачные насочки.

– Ну, ароматы я и сам люблю, – чувствовалось, что он близок к тому, чтобы капитулировать.

– Обувь, конечно, у меня отсталая. Я не хочу быть нищенкой! Я не оборвыш!

– Но, у тебя же есть обувь! И далеко не лапти! – Он продолжал слабо сопротивляться.

– На Мальдивы и Сейшелы ты не возил меня. Я ведь так люблю солнце, тепло!

– Тебе вредно солнце!

– Ты меня только используешь. Ты таскаешь меня всюду за собой. Я тебе нужна как вещь. Ты зарабатываешь на мне. Ты не спрашиваешь, здорова ли я. Ты не спрашиваешь, хочу я или нет. Ты против моей воли всюду пихаешь меня. То я – Мальвина, то – Спящая красавица, то – Царевна-лягушка, то – принцесса Несмеяна,...

– Но такова жизнь актёра. Мне, как режиссёру, виднее, какую роль тебе поручать, – он явно начал сердиться.

– Наконец, у меня может быть хобби?

– Что за хобби?

– По бутикам ходить...

– Ах, вот оно что...

– Могу я, хотя бы раз в день, ... посещать салон красоты?

– Не часто ли?

– Ты любишь меня?

– Люблю!

– Ты меня ни разу не поцеловал!

– Я не трачу драгоценное время на ненужные сантименты.

– Скажи, я красивая?

– Да, ты – моя воплощённая мечта.

– Поцелуй меня.

Кукла с капризным лицом сидела всё также на столе. Длинные ресницы её обиженно хлопали.

Человек пристально смотрел на неё – лицо его из спокойного становилось всё более раздражённым, закаменевшим, оно побледнело – и, не в силах более сдерживаться, он ударил её.

На столе остались скомканное бумажное платье и смятый ком полимерной глины.

Рядом, на середине стола, стояла высокая серебряная ваза с бордовыми гладиолусами. По ободку её шла выгравированная надпись «Большому кукольному мастеру и режиссеру от актёров театра и благодарной публики».

ЮРИЙ ГРЕЧКИН

Необычные игры

Он предложил необычные игры:
дом рисовали тайком друг от друга.
И у него выходила кибитка,
а у неё – атлантический лайнер.

После – вдвоём хохотали над этим,
будто из всяких жилищ человеческих
разве нельзя было выбрать попроще?

Что же! Чему было тут удивляться?
Разве у них по-людски выходило
что-нибудь?..

*Иван Карасёв
«Красный текст»*

Пагода

Соль
со знанием дела вступает в битву,
и чердачно опрокинутый колченогий табурет
паутинно смыкается над покаянной фуражкой чернозёма.

Злополучный листопад чередуется с фарфоровой изморозью пригорода.

Пагода. Выгода. Иногда некогда.

АНДРЕЙ НАСОНОВ

После осеннего позднего дождика
когда и так каждая сорочка сброшена
деревья кажутся ещё голей
как он и она уже после-после
после в общем-то тоже дождя
чувств и обещаний когда
преступно обещать что-то далее
пронизанные блаженством
наполняют пространство покоем

антикомаринная сетка
на всю громкость
летняя ночь

длинная ночь
ещё ближе сверчки
и сырой запах

смотрю на свет
потерял нить
вольфрама

спешу на работу
кот старательно выбирает
сухие места

объявление
на автомойке
«срочный выкуп машин»

ИЗОГРАММЫ +

ИВАН КАРАСЁВ

Нетопырь

СЕРГЕЙ ПУТИЛИН

Мишень

и
н
е
щ
а
р
в
з
о

к р
у
г
е
в
е
ч
н
о
г
о

Я

в

ДМИТРИЙ МИРОШНИКОВ

1

Один

єдинъ*

Единый

Óðinn**

one***

uno****

иной

одинокий

1+1=1

—

* один, ст.-слав

** др.-сканд., Один, скандинавский бог.

*** один, англ.

**** один, лат.

ИВАН КАРАСЁВ

Роза и крест

СВОБОДНЫЙ СТИХ

ПАВЕЛ УВАРОВ

чувет моё сердце недоброе
чувет моё недоброе сердце
чувет недоброе моё сердце
недоброе чувет моё сердце

битый день
битый час
памяти битый архив

битый надежд сосуд

Поле жать?
Полежать?

СЕРГЕЙ ПУТИЛИН

Пирамида хаоса

Вселенная

Надежда

Рубеж

Оно

Я

Порой...

...даже молчание
порой
бывает неискренним...

Неизбежность

...всякий
двуличный человек
неизбежно
становится безликим...

АЛЕКСАНДРА ПЕРФИЛОВА

Нажал на жалость
Жалость сразу сжалась.

Рукописи не рецензируются и не горят.

Наши глотки
Устали
От водки.

ЛЮБОВЬ ПАХОМОВА

в эффектно сделанной прорехе
сияет девичье колено

разные сорта подсолнухов
но все смотрят на солнце

ЯРОСЛАВ ГОЛОВАНЬ

разболелась голова,
то ли от футбола,
то ли от женщин,
да, женский футбол это что-то...

находясь в глубине мегаполиса,
он прислонил
раковину рапана к уху
и услышал шум моря,
вот это я понимаю – связь...!

Идол

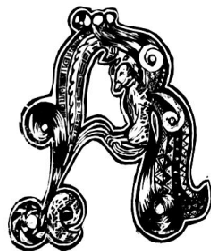
Потоки воды, лившиеся с потемневшего неба, грозили сбросить его с крутого склона, но человек не сдавался. Вгрызаясь в скользкую, размокшую землю длинным ножом и сведенными судорогой пальцами, он продолжал взбираться на священный холм; метр за метром. Ливень хлестал его по лицу, намокшая одежда мешала двигаться, тяжелая сумка за спиной тянула вниз, но человек был упрям и зол, и вот уже его грязная правая рука коснулась вершины. Он радостно выкрикнул что-то, но раскат грома заглушил его слова, брошенные небу, дождю, мокрой земле. Человек достиг цели, распластался на плоской верхушке, раскинул руки и долго смотрел в плачущее небо, ловя ртом крупные, частые капли.

Дождь не прекращался. Отдохнув, человек достал из сумки тяжелый железный топор на прочной рукоятке и улыбнулся. Он был не одинок на холме – вершину венчал деревянный идол с круглой головой, большими выпуклыми глазами и толстыми губами, раскрашенными потускневшей красной краской. Идол был высоким, выше человека, и крепко сидел в мокрой земле. Он был очень старым – дерево почернело от времени и копоти, глубокие трещины покрывали голову и туловище. Человек размахнулся и со всей силы ударил божка топором. Он рубил не дерево, нет; ему казалось, что он сражается со злым и коварным богом, расчищая место для нового: доброго и светлого. Он не работал – убивал, долго и с наслаждением. Щепки летели во все стороны, дерево стонало и трещало, а человек кричал от восторга. Трудно придумать поручение почётнее – убрать старого бога, чтобы другие могли поставить нового! Наконец, голова идола отлетела в сторону, и человек успокоился. Набирая в ладони дождевую воду, он напился, спрятал в сумку топор и достал короткую лопату. Прежде чем опять приступить к работе, избранный истово расцеловал серебряный знак, висевший у него на груди на кожаном шнурке. Работа была тяжелая, но не менее приятная. Выкорчевав останки истукана, он начал копать глубокую яму. Старый бог повержен, но он долго опекал и защищал его племя до того, как стал злым и до того, как пришел новый, добрый бог. Его деревянное тело заслуживает хотя бы скромных похорон.

Он копал и думал, что уже завтра сюда придёт новый жрец, и они вместе воздвигнут символ Истинного Бога – красивый, новый, из самого лучшего дерева. Священный холм не должен пустовать!

Вдруг лопата наткнулась на что-то твердое, а дождь прекратился так же внезапно, как и начался. С большим трудом, прикладывая все силы и терпение, борясь с мокрой, вязкой землей, человек извлек на свет круглый деревянный предмет. Очистив его от грязи, он увидел толстые губы, плоский нос и большие глаза навывкате. Голова древнего идола лежала у его ног, и избранному вдруг показалось, что толстые губы сложились в презрительную усмешку.

АЛЕКСЕЙ ШКУРАТ

Случай

Был ясный морозный день.

Большой, чёрный, лоснящийся громко шурша на ходу, он решительно и неожиданно легко пересёк дорогу мне наперерез, не торопясь взобрался на бордюр и приостановился, соображая, очевидно куда податься.

Я тоже встал озадаченный – всё существо его чутко подрагивало, вибрировало, вздыхало каждой клеточкой тонкой, измятой кожи, переливающейся тысячью серых искр. Он был сама проницаемость, и, казалось, изобличал собой сокровенный трепет бытия свободный и раскованный!

Моё внимание ему, похоже, понравилось – он изящно развернулся на месте и двинулся на сближение. Рассмеявшись, я пошел было своей дорогой, но шорох за спиной внезапно стих. Я обернулся – он парил высоко над землёй, искристые волны быстро сменяли одна другую. Выдержав эффектную паузу, он ринулся прямо на меня! Я присел. Он торжествующе пронёсся надо мной, лихо спланировал по дуге и вновь очутился на правой обочине.

Дальше мы пошли рядом, и нам было хорошо вдвоём...

Однако через два десятка шагов путь ему перегородил торчащий из-под снега стебель прошлогоднего чернобыла. Мой новый друг сложился пополам, воздух из него вышел, и он беспомощно повис. Верхняя половина всё ещё тянулась мне вслед, но это был уже только пустой целлофановый мешок для бытовых отходов.

ВОЗДУХЪ

ОКСАНА КИМ

Скучай по мне, пожалуйста, скучай
Так, словно я – одна сейчас на свете
Способная легко прогнать печаль
Из глаз твоих стихотвореньем этим.

Скучай по мне, как летом – по зиме,
По ласковой, пушистой, снежно-вьюжной.
Скучай по мне... Привычки не имей
Быть равнодушным.

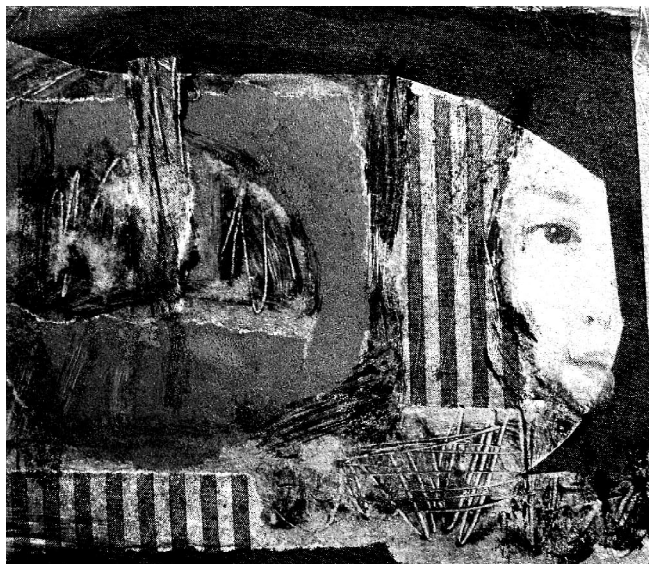
Не знала, что значит быть раненной птицей:
Сорваться и падать в звенящую бездну...
Мечтать, чтобы ночью он мог мне присниться,
А я без сомнений смогла б с ним исчезнуть
Туда, где рождается сочная зелень,
Где почки деревьев обласканы маем,
Где просто живёшь, не взывая к спасенью...
И чувствуешь крылья,
Его
Обнимая...

ВАДИМ НИКОЛАЕВ

Она читает между строк,
Листая мягко, с интересом.
Как жаль, что скоро выйдет срок,
Разлукой подытожив пьесу.
Погладит переплёт рука,
На полку бережно поставит,
Обнимет крепко пыль тоска
Сном ожидания свиданий.

Вечно цветущих садов
Воздух, конечно же, сладок.
Но есть один недостаток –
В них не бывает плодов.

Ирина Гаркуша (с)

ПЕРСОНАЛИИ

Аболмазов Сергей г. Краснодар.

Бобылев Дмитрий г. Санкт Петербург.

Борозенцев Леонид г. Винница, Украина. Поэт, культуртрегер.

Бохов Валерий г. Москва.

Гаркуша Ирина г. Краснодар. Член Союза художников России.

Гречкин Юрий г. Краснодар/ Ростов-на-Дону.

Головань Ярослав г. Ялта.

Есикова Алиса г. Краснодар.

Зотова Марита г. Санкт Петербург.

Катя Че г. Санкт Петербург.

Карасёв Иван г. Краснодар. Член союза писателей России. Член союза журналистов России. Создатель полисинтетического языка арахау.

Каргопольцева Екатерина г. Кострома.

Ким Оксана г. Гулькевичи.

Кот Басё г. Краснодар.

Лебедева Мария г. Тверь.

Мартусенко Александр г. Краснодар.

Мирошников Дмитрий г. Краснодар.

Нагорнов Олег г. Оренбург.

Насонов Андрей г. Краснодар. Кандидат биологических наук.

Николаев Вадим г. Гулькевичи.

Николаев Виталий г. Краснодар.

Очеретянский Александр г. Фэйр-Лоун, США. С 1989 г. издаёт литературно-визуальный альманах «Черновик».

Ошевнев Фёдор г. Ростов-на-Дону. Член Союза журналистов России. Член Союза российских писателей.

Пахомова Любовь г. Краснодар.

Перфилова Александра г. Львов, Украина.

Погребняк Антон г. Санкт Петербург. Магистр физики.

Путилин Сергей г. Липецк.

Савченко Пётр г. Москва.

Уваров Павел г. Санкт Петербург.

Федулин Игорь г. Тверь.

Цаплина Дарья г. Санкт Петербург.

Шкитырь Елизавета г. Москва.

Шкурат Алексей г. Смоленск.

Шульгатый Денис г. Краснодар.

ISSN 2308-0744

